

Эрик-Эмманюэль Шмитт

ОДЕТТА

Восемь историй о любви

Каждая история – маленький шедевр!

Азбука-бестселлер

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Одетта. Восемь историй о любви

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Одетта. Восемь историй о любви / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус», 2006 — (Азбука-бестселлер)

Эрик-Эмманюэль Шмитт – философ и исследователь человеческой души, писатель и кинорежиссер, один из самых успешных европейских драматургов, лауреат Гонкуровской премии, человек, который в своих книгах «Евангелие от Пилата», «Секта эгоистов», «Оскар и Розовая Дама», «Мсье Ибрагим и цветы Корана», «Другая судьба» и др. задавал вопросы Богу и Понтию Пилату, Будде и Магомету, Фрейду, Моцарту и Дени Дидро. На сей раз он просто сотворил восемь историй о любви – потрясающих, трогательных, задевающих за живое.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Шмитт Э., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Одетта Тульмонд	6
Ванда Виннипег	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Одетта. Восемь историй о любви

© Д. Мудролюбова, перевод, 2007

© Г. Соловьева, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Одетта Тульмонд

Спокойно, Одетта, спокойно.

Она была такая живая, нетерпеливая, восторженная, что казалось, будто она взлетает, отрываясь от брюссельских тротуаров, ускользая из коридора фасадов, минуя крыши, чтобы присоединиться к голубям в небе. Тот, кто видел ее легкий силуэт, когда она спускалась с горы Искусств, ощущал, что в этой женщине с перышком, украшающим завитки волос, есть что-то птичье...

Она увидит его! Взаправду... Приблизится к нему... быть может, коснется, если он протянет руку...

Спокойно, Одетта, спокойно.

Хоть ей уже перевалило за сорок, ее сердце билось так же учащенно, как у девочки-подростка. На каждом пешеходном переходе, что заставлял ее дожидаться на тротуаре разрешающего сигнала, по ее бедрам пробегало покалывание, а щиколотки стремились взмыть ввысь, ей хотелось просто перепрыгнуть через ряды автомобилей.

Она дошла до книжного магазина, там вытянулась очередь, какие бывают только по особым случаям; ей сказали, что придется потерпеть минут сорок пять, прежде чем удастся предстать перед ним.

Из воздвигнутой в магазине пирамиды экземпляров, прекрасной, как рождественская елка, она взяла его новую книгу и завязала разговор с соседками. И все они являлись читательницами Бальтазара Бальзана, но ни одна не была столь прилежной, дотошной и страстной, как Одетта.

– Да ведь я прочла у него все-все, и мне все нравится, – говорила она смущенно, будто оправдываясь за свою осведомленность.

Обнаружив, что знает автора и его творчество лучше, чем другие, она ощутила громадную гордость. Потому что была скромного происхождения, потому что днем работала продавщицей, а по вечерам мастерила украшения из перьев, потому что знала, что не слишком образованна, потому что приехала на автобусе из Шарлеруа, заброшенного шахтерского городка, ей было не так уж неприятно, находясь здесь, среди столичных жительниц, обнаружить свое превосходство, превосходство истинного фаната.

В центре магазина, возвышаясь на помосте, Бальтазар Бальзан подписывал свои книги, пребывая в добром расположении духа, освещенный прожекторами, как на тех многочисленных телепередачах, куда его приглашали. После издания двенадцати романов – и стольких же триумфов – он уже не сознавал, нравится ему раздавать автографы или нет: с одной стороны, это утомляло его, поскольку сие занятие было повторяющимся и монотонным, с другой – он ценил встречи со своими читателями. Между тем подступившая усталость пробудила в нем аппетит к общению; он продолжал подписывать книги более по привычке, чем действительно желая этого, находя подобные моменты писательской карьеры затруднительными, поскольку было уже не столь необходимо лично способствовать продаже своих книг, но он все же опасался спада. Эти опасения касались и качества... В конечном счете, быть может, он со своим последним опусом вплотную приблизился к созданию «лишней книги», той, что не представляет собой чего-либо особенного, не является более необходимой, чем прочие. Но данную минуту ему не хотелось омрачать сомнениями, которые он испытывал по поводу каждой своей публикации.

Поверх незнакомых лиц он заметил красивую женщину, метиску, одетую в красновато-коричневый с золотистым отливом шелковый костюм, которая прохаживалась в одиночестве взад и вперед. Хотя она была поглощена телефонным разговором, но время от времени бросала на писателя игривые взгляды.

– Кто это? – спросил он у ответственного за мероприятие.

– Эта дама – ваш пресс-секретарь по Бельгии. Хотите, я вас познакомлю?

– Пожалуйста.

Обрадованный возможностью на несколько секунд прервать цепочку автографов, он задержал протянутую ему руку.

– Мне предстоит в течение нескольких дней заниматься вами, – прошептала несколько смущенная Флоранс.

– Весьма рассчитываю на это, – откликнулся он подчеркнуто пылко.

Пальцы молодой женщины поощряюще дрогнули в ответ на нажим его ладони, в зрачках промелькнула искорка согласия, Бальзан понял, что победил: ночь в отеле он проведет не в одиночестве.

Повеселевший, уже готовый к сексуальным битвам, он повернулся к следующей читательнице с людоедской улыбкой и спросил с вибрацией в голосе:

– Итак, мадам, чем могу служить?

Одетта была так удивлена мужественной энергией этого обращения, что мгновенно утратила дар речи.

– Мм... мм... мм...

Она была не в силах выдать хотя бы слово.

Бальтазар Бальзан смотрел на нее и в то же время сквозь, с профессиональной любезностью.

– У вас есть при себе книга?

Одетта стояла неподвижно, прижимая к груди экземпляр «Молчания равнины».

– Хотите, я подпишу вам свою последнюю книгу?

Ценой колоссального усилия ей удалось изобразить положительную реакцию.

Он протянул руку, чтобы взять книгу; неверно истолковав его движение, Одетта отступила, наткнувшись на стоявшую сзади даму. Осознав свою ошибку, она резким жестом выбросила вперед руку с книгой, едва не угодив в писательский лоб.

– На чье имя писать?

– ...

– Это для вас?

Одетта кивком подтвердила.

– Как вас зовут?

– ...

– Ваше имя?

Одетта – была не была! – открыла рот и прошептала, сглотнув слюну:

– ...детт!

– Простите?

– ...детт!

– Детт¹?

Чувствуя себя все более несчастной, на грани обморока она попыталась сквозь перекрытое горло в последний раз произнести свое имя:

– ...детт!

Несколько часов спустя, в меркнущем свете, уступавшем темноте, что вздымалась от земли к небу, Одетта сидела на скамейке, не решаясь отправиться в Шарлеруа. Повергнутая в уныние, она все читала и перечитывала титульную страницу, где ее любимый автор начертил: «Для Детт».

¹ Dette (фр.) – долг.

Ну вот, она умудрилась провалить единственную встречу с писателем своей мечты, теперь собственные дети будут смеяться над ней... И окажутся правы. Неужто найдется другая женщина ее возраста, которая не в состоянии внятно назвать собственные имя и фамилию?

Но, едва поднявшись в автобус, она тотчас забыла об этом инциденте и весь обратный путь витала в облаках, так как первая же фраза новой книги Бальтазара Бальзана озарила ее светом и перенесла в другой мир, стерев все огорчения, стыд, болтовню соседок и шум машин, затмив грустный индустриальный пейзаж Шарлеруа. Благодаря книге она воспарила над всем этим.

По возвращении она на цыпочках – чтобы никого не разбудить, а точнее, чтобы избежать расспросов о своем полном банкротстве – пробралась к себе, опустилась на кровать, уселась, подложив подушки, напротив прикрепленного к стене панорамного постера, изображавшего влюбленных у моря на закате дня. Она не могла оторваться от книги и, лишь дочитав роман до конца, погасила лампу у изголовья.

Что касается Бальтазара Бальзана, то он провел ночь в куда более плотских утехах. Прекрасная Флоранс беспрепятственно раскрыла свои объятия, и перед этой темнокожей Венерой с ее совершенным телом ему пришлось выложиться, чтобы выказать себя хорошим любовником; усилия потребовали немалого пыла, он ощутил, что член его тоже притомился; все это начинало тревожить его, и он уже задавал себе вопрос, вдруг это сказываются возрастные изменения.

В полночь Флоранс пожелала включить телевизор, чтобы посмотреть популярную передачу, посвященную литературе, где должны были расхваливать его книгу. Бальтазар вряд ли стал бы ее смотреть, если бы не представившаяся возможность насладиться восстанавливающим силы перемирием.

На экране появилась физиономия грозного литературного критика Олафа Пимса, и уж не знаю, какой инстинкт подсказал Бальтазару, что на него готовится нападение.

За красными стеклышками своих очков – очков матадора, приготовившегося наиграться с быком перед тем, как прикончить его, – критик напустил на себя скучающий вид, иными словами – он явно испытывал отвращение.

– Меня попросили включить в сегодняшний обзор последнюю книгу Бальтазара Бальзана. Что ж. Если бы это оказалось правдой, если бы можно было быть уверенным, что это действительно его последняя книга, тогда это была бы хорошая новость! Дело в том, что я ошеломлен. С литературной точки зрения книга просто катастрофа. Тут все наводит уныние: сюжет, персонажи, стиль... Все настолько плохо, неизменно плохо, одинаково плохо, что превратить это в своеобразное представление почти гениальный ход. Если бы можно было умереть от скуки, то вчера я бы умер.

Бальтазар Бальзан в номере отеля, голый, с полотенцем на бедрах, приоткрыв рот, присутствовал на трансляции собственных похорон. Рядом, на постели, смущенная Флоранс дрыглась, как червяк, силящийся выползти на поверхность.

Олаф Пимс преспокойно продолжал избиение.

– Тем более неловко говорить об этом, поскольку мне случалось встречаться с Бальтазаром Бальзаном, человек он любезный, вежливый, чистоплотный, с несколько нелепой внешностью преподавателя физкультуры, с которым все же можно общаться, – словом, человек, с которым жена разводится без скандала. – С легкой улыбкой Олаф Пимс развернулся к камере и продолжил, словно внезапно узрев напротив Бальтазара Бальзана: – Если вы столь сильно тяготеете к готовым клише, господин Бальзан, не стоит называть это романом, это словарь, да, словарь готовых выражений, словарь бессодержательных мыслей. А пока... вот чего заслуживает ваша книга... в мусорную корзину ее, и поскорее!

Разодрав экземпляр книги, который держал в руке, Олаф Пимс презрительно его отбросил за спину. Бальтазар воспринял этот жест как апшеркот.

В студии ведущий программы, шокированный подобной грубостью, спросил:

– Однако как вы объясните его успех?

– Бедные души – они тоже имеют право на своих героев. Консьержки, кассирши и прочие парикмахерши, собирательницы ярмарочных куколок или сумеречных фото в его лице, несомненно, обрели идеального писателя.

Флоранс выключила телевизор и повернулась к Бальтазару. Будь она поопытнее как пресс-секретарь, то в подобных обстоятельствах ей следовало бы возразить: послушай, это озлобленный тип, для которого непереносим твой успех; он читает книги, и ему мерещится, будто ты клеишься к читателям; как следствие, он видит демагогию там, где царит естественность; заподозрив, что за виртуозностью письма кроется коммерческая уловка, этот критик принимает твоё стремление быть интересным людям за маркетинговый ход; более того, он подписывает собственный приговор, воспринимая публику как недостойное сборище недоумков; такое общественное презрение просто ошеломляет. Но юная Флоранс проявила бесчувственность; наделенная посредственным умом, она путала злобу и критическое чутье, для неё обедня была закончена.

Бальтазар в этот вечер впал в депрессивную фазу, и произошло это вовсе не случайно – он чувствовал на себе презрительный и разочарованный взгляд молодой женщины. Агрессивных комментариев в свой адрес он выслушал немало, но с жалостью столкнулся впервые. Он вдруг ощутил себя старым, конченным, нелепым.

После этой ночи Одетта трижды перечитала «Молчание равнины» и решила, что это одна из лучших книг Бальтазара Бальзана. Она в конце концов призналась сыну Руди, парикмахеру, что провалила встречу с писателем. Он не смеялся над ней, он понял, что мать страдает.

– А чего ты ожидала? Что ты хотела ему сказать?

– Массу всего. Его книги хороши, но помимо этого они принесли мне благо. Лучший антидепрессант на свете. Жаль, что медицинская страховка не компенсирует их покупку.

– Ну, раз ты не сумела это ему сказать, остается написать ему.

– Тебе не кажется, что это странно – писать писателю?

– Отчего странно?

– Женщина, пишущая плохо, пишет писателю, который пишет хорошо.

– Ну есть же лысые парикмахеры!

Убежденная доводами Руди, Одетта устроилась в гостиной, она же и столовая, порывисто отодвинула свои разноцветные перышки и принялась за письмо.

Дорогой господин Бальзан.

Я вообще никогда не писала, хоть я и знаю орфографию, но во мне нет ни грана поэзии. А нужно немало поэзии, чтобы рассказать вам о том, что вы значите для меня. В самом деле, я обязана вам жизнью. Без вас я бы уже раз двадцать покончила с собой. Видите, как скверно я пишу: одного раза было бы достаточно!

Я любила лишь одного мужчину – моего мужа Антуана. Он всегда такой красивый, такой стройный, такой молодой. Невероятно, он совсем не меняется. Надо сказать, что вот уже десять лет, как он умер, причина в этом. У меня не возникло желания заменить его кем-то. Это и есть мой способ любить вечно.

Так что я в одиночку вырастила двоих детей, Сью Элен и Руди.

С Руди вроде все в порядке. Он парикмахер, зарабатывает на жизнь, он веселый, вежливый, приятели у него сменяются слишком часто, ну да ведь ему девятнадцать лет – пусть развлекается.

Другое дело Сью Элен. Сроду она недовольна. Она родилась со взъерошенными волосами. Даже ночью, во сне, она ворчит. Она связалась с одним кретином, вылитая горилла, все дни напролет чинит мотороллеры, но ни разу не принес в дом ни сантиметра. Вот уже два года как он обосновался у нас. Да еще есть одна проблема... у него воняет от ног.

Сказать по правде, до того как я узнала вас, жизнь моя часто казалась мне невзрачной, невзрачной – как день в Шарлеруа с его низким, нависшим небом, нелепой, как стиральная машина, что ломается в самый неподходящий момент; нелепой, как одинокая постель. Частенько ночью мне хотелось наглотаться снотворных и покончить со всем этим. И вот однажды я прочла вас. Для меня будто раздвинулись шторы, впустив дневной свет. В своих книгах вы показываете, что во всякой жизни, даже самой убогой, есть чему радоваться, смеяться, любить. Вы показываете, что маленькие люди вроде меня в действительности достойны уважения, так как любая крошечная радость достается им куда труднее, чем прочим. Благодаря вашим книгам я научилась уважать себя. И даже немного любить. Сумела сделаться нынешней Одеттой Тульмонд: женищиной, которая каждое утро с удовольствием раскрывает ставни и каждый вечер с удовольствием закрывает их.

Ваши книги мне следовало бы ввести внутривенно сразу после того, как умер Антуан, это позволило бы выиграть время.

Когда однажды – пусть это произойдет как можно позже – вы отправитесь в рай, Господь подойдет к вам и скажет: «Есть столько людей, которые хотели бы поблагодарить вас за то доброе, что вы сделали, господин Бальзан», – и среди этих миллионов людей буду я, Одетта Тульмонд. Одетта Тульмонд, которая – уж простите ей – была слишком нетерпелива, чтобы дожидаться этого самого момента.

Одетта

Едва она закончила, Руди выскочил пулей из своей комнаты, где флиртовал с новым приятелем; эти двое едва успели натянуть одежду, так им не терпелось объявить Одетте, что выудили в Интернете информацию: Бальтазар Бальзан вскоре будет подписывать свои книги в Намюре, неподалеку от Шарлеруа, «так что ты сможешь вручить ему свое письмо!».

Бальтазар Бальзан появился в намюрском книжном магазине не один, его издатель покинул Париж, чтобы оказать автору моральную поддержку, и этот демарш стал последней каплей.

«Если уж мой издатель соблаговолил потратить на меня несколько дней, значит дело совсем плохо», – решил Бальзан.

Действительно, критики, как волки, охотятся стаями; атака вожака Олафа Пимса позволила развязать травлю. Те, кто до сих пор придерживал когти (либо свое безразличие по отношению к Бальзану), отныне ринулись на него. Даже те, кто вообще его не читал, стали беспощадны к успеху; те, кто не имел на этот счет своего мнения, тем более – ведь им следовало принять участие в полемике.

Бальтазар Бальзан оказался неспособен ответить им: это была не его территория. Он терпеть не мог нападательных действий, и ему не доставало агрессивности, ведь романистом он стал лишь затем, чтобы воспевать жизнь, ее красоту и сложность. Ожесточиться он мог лишь по крайне важным поводам, его собственный случай в этот разряд не входил. Единственной его

реакцией было страдание, он переживал, когда схлынет волна, в отличие от издателя, который как раз предпочел бы воспользоваться остервенением массмедиа.

В Намюре читателей должно было быть меньше, чем в Брюсселе, поскольку вот уже несколько дней считалось, что восторгаться Бальзаном – это «старомодно». Соответственно писатель был склонен проявлять большее внимание к тем, кто рискнул скомпрометировать себя.

Одетта, не читавшая газет и не смотревшая телепередач о культуре, пребывала в блаженном неведении по поводу обострения ситуации, она и не представляла себе, что писатель переживает столь мрачные часы. Принаряженная, хоть и не так шикарно, как в первый раз, Одетта, подбодрив себя бокалом белого вина, которое Руди заставил ее заказать в кафе напротив, трепеща предстала перед Бальтазаром Бальзаном.

– Добрый день, вы не узнаете меня?

– Уф... да... мы... мы виделись... так-так... в прошлом году... Помогите же мне...

Одетта совсем не обиделась, она предпочитала, чтобы он оставался в неведении относительно ее нелепого появления в прошедший вторник, поэтому она пресекла его попытку.

– Да нет, я шучу. Мы никогда не встречались.

– Ну да, иначе бы я вспомнил. С кем имею честь?

– Одетта, Одетта Тульмонд.

– Как, простите?

– Тульмонд – это моя фамилия.

Бальтазар, разобрав эту комичную фамилию², подумал, что она смеется над ним.

– Вы шутите?

– Простите?

Осознав свой прокол, Бальтазар нашелся:

– Надо же, скажите, какая оригинальная фамилия!

– Но не в моей семье!

Одетта протянула для подписи новый экземпляр книги:

– Вы можете написать просто: «для Одетты»?

Рассеянный Бальтазар захотел убедиться, правильно ли он расслышал:

– Для Одетты?

– Да, тут мои родители мне явно подгадили!

– Послушайте, это очаровательно, Одетта...

– Это ужасно!

– Ничего подобного!

– Да!

– Это же прустовское.

– Пру?...

– Прустовское... «В поисках утраченного времени»... Одетта де Креси, женщина, в которую был влюблен Сван...

– Мне попадались лишь пуделихи, которых звали Одетта, – простодушно заметила собеседница. – Пудели. И я. Впрочем, что до меня, то все на свете забывают это имя. Может, чтобы меня лучше запомнили, следует надеть ошейник или завить волосы?

Он озадаченно посмотрел на нее, а потом рассмеялся.

Склонившись, Одетта протянула ему конверт:

– Возьмите, это вам. Когда я говорю с вами, то вечно ляпаю глупости, так что я вам просто написала.

Одетта сбежала в шорохе своих перышек.

² Toulemond (*фр.*) – можно было бы перевести «Как все».

Устроившись поудобнее в машине, которая увозила их с издателем в Париж, Бальзан попытался было прочесть послание, но, увидев, что оно написано на аляповатой, на грани китча, бумаге, где лилии сплетались с розовыми гирляндами, которые поддерживали круглозадые ангелочки, даже не стал его разворачивать. Решительно, Олаф Пимс был прав: он писатель для кассирш и парикмахерш, других фанатов он не заслужил! Вздохнув, он все же сунул конверт в пальто из верблюжьей шерсти.

В Париже его ждало нисхождение в ад. Его жена, вечно куда-то спешившая, поглощенная своей адвокатской карьерой, не выказала ни малейшего сострадания к тому, что с ним происходит, а еще он обнаружил, что их десятилетнему сыну в лице приходится давать отпор маленьким мерзавцам, насмехающимся над отцом. Бальзану приходили письма с выражением сочувствия, но не из литературной среды – возможно, по собственной вине, ведь он не был туда вхож. Затворившись в своей огромной квартире на острове Сен-Луи, перед телефоном, который не звонил, – и тоже по его вине! – ведь он не давал своего номера, Бальзан объективно взвесил все за и против бытия и заподозрил, что ставка проиграна. Конечно, Изабель, его жена, красивая, но холодная и резкая, наследница крупного состояния, куда более органично вписывалась в мир хищников, чем он (они даже договорились, что не исключают внебрачных связей, – в знак того, что в браке социальный цемент предпочтительнее любовного притяжения). Конечно, ему принадлежали завидные апартаменты в самом центре столицы, но если подумать, то вряд ли он любил эту квартиру. На стенах, окнах, стеллажах и диванах не было ничего выбранного им лично: всем этим занимался декоратор; в гостиной он водрузил рояль, на котором никто не играл (ничтожный знак весомого общественного положения!); его кабинет был рассчитан на то, чтобы произвести впечатление на журналистов, тогда как сам Бальтазар предпочитал писать в кафе. Он вдруг осознал, что живет среди декораций. Хуже всего, что это были не его декорации.

Чему же служили его деньги? Они являлись всего лишь знаком, что он пробился, что утвердился среди общественного класса, к которому не принадлежал изначально? Ничто из того, чем он обладал, реально не обогащало его, однако все кричало о богатстве. При широте воззрений писателя подобный диссонанс его не коробил, до поры до времени Бальтазара спасала вера в собственное творчество. Но именно оно-то и подверглось нападкам... Он усомнился в самом себе... Он терзался подозрениями, а удалось ли ему создать хотя бы один достойный роман? Только ли на ревности основаны злобные нападки критиков? А что если те, кто подписал ему приговор, правы?

Хрупкий, подверженный эмоциям, привыкший обретать равновесие в творчестве, он был не в состоянии достичь его в реальной жизни. Для него было непереносимо, что тот сугубо внутренний спор, что никогда не прекращался в нем: «Достаточно ли я талантлив для того, что мне предстоит сделать?» – был вынесен на всеобщее обозрение. Закончилось все тем, что однажды вечером после того, как одна добрая душа сообщила Бальзану, что его жена регулярно спит с Олафом Пимсом, Бальзан попытался покончить жизнь самоубийством.

Когда домработница-филиппинка обнаружила его лежащим без сознания, было еще не поздно. Врачам «скорой помощи» удалось вернуть его к жизни, и после нескольких дней, проведенных под наблюдением врачей, его поместили в клинику для нервноболевых.

Там Бальзан замкнулся в благодетельном молчании. Несомненно, через несколько дней он начал бы отвечать на вопросы ретивых и внимательных психиатров, стремившихся его выписать, если бы неожиданный визит жены не нарушил курса лечения. Едва заслышав звук мотора, писатель почувствовал, что необходимо выглянуть в окно и удостовериться, что это действительно Изабель въехала в парк на своем бульдозерном джипе. В мгновение ока он собрал пожитки, прихватил пальто, выбил дверь, выходящую на внешнюю лестницу; спуска-

ясь по ступенькам, он удостоверился, что у него есть дубликат ключей, затем прыгнул в машину Изабель и был таков. Жена как раз выходила из лифта.

В испуге несколько километров он проехал куда глаза глядят. Куда податься? Не важно. Каждый раз при мысли о том, что нужно попросить у кого-либо приюта, его отталкивала необходимость объясняться.

Остановившись у бензозаправки, он попытался взбодриться, заказав кофе, но напиток оказался чересчур сладким, к тому же ему передался привкус картона от стаканчика. И тут Бальзан нащупал утолщение в кармане своего пальто из верблюжьей шерсти.

Раскрыв конверт, он со вздохом развернул письмо, отметив, что поклонник не ограничился бумагой дурного вкуса, нет, он добавил к своему посланию красное сердце из фетра, обрамленное перышками. Он пробежал краем глаза начало, а дочитав до конца, заплакал. Вытянувшись на разложенном сиденье машины, он двадцать раз перечел его, пока не заучил наизусть. При каждом прочтении наивная и щедрая душа Одетты переворачивала в нем все, последние слова бальзамом проливались на сердце.

Когда однажды – пусть это произойдет как можно позже – вы отправитесь в рай, Господь подойдет к вам и скажет: «Есть столько людей, которые хотели бы поблагодарить вас за то доброе, что вы сделали, господин Бальзан», – и среди этих миллионов людей буду я, Одетта Тульмонд. Одетта Тульмонд, которая – уж простите ей – была слишком нетерпелива, чтобы дожидаться этого самого момента.

С ощущением, что исчерпал успокаивающий эффект этих слов, он включил мотор и решил немедленно навестить автора этих строк.

В этот вечер Одетта Тульмонд готовила «плавающий остров», излюбленный десерт свирепой Сью Элен, своей дочери, преодолевавшей постпубертатный период. С брекетами на зубах, явно ее не украшавшими, та безуспешно пыталась устроиться на работу, бегала на собеседования, но тщетно, никто не жаждал предоставить ей постоянное место. Одетта взбивала в пену яичные белки, что-то напевая, когда в дверь позвонили. Раздосадованная тем, что приходится прервать столь деликатную операцию, Одетта быстро вытерла руки и, не тратя времени на то, чтобы набросить что-нибудь поверх простой нейлоновой комбинации, решив, что не стоит беспокоиться из-за соседки по лестничной площадке, пошла открывать.

Она застыла с открытым ртом перед Бальтазаром Бальзаном. Слабый, опустошенный, небритый, с дорожной сумкой в руке, он разглядывал ее с лихорадочным блеском в глазах, размахивая конвертом:

– Это вы написали мне это письмо?

– Да... но...

– Уф-ф, я нашел вас.

Одетта замялась в смущении, думая, что он станет ее ругать.

– Должен задать вам один-единственный вопрос, – вновь заговорил он, – мне бы хотелось, чтобы вы на него ответили.

– Да?

– Вы меня любите?

– Да!

Она сказала это не колеблясь.

Для него это был драгоценный миг, миг, доставивший ему наслаждение. Ему и в голову не пришло, что Одетта может быть смущена таким поворотом дела.

Последняя в затруднении потирала руки, не осмеливаясь высказать то, что ее мучило. В конце концов у нее вырвалось:

– Мои белки...

– Простите?

– Проблема в том, что я как раз взбивала в пену яичные белки, и, понимаете, пена, если промедлить, может...

Досадуя на себя, она жестом показала, как оседает яичная пена.

Бальтазар Бальзан, слишком взволнованный, не понял, о чем речь.

– На самом деле у меня есть еще один вопрос.

– Да.

– Можно вам его задать?

– Да.

– Правда?

– Да.

Потупившись, он спросил, не осмеливаясь взглянуть ей в глаза, глаза провинившегося ребенка:

– Вы не позволите остаться у вас на несколько дней?

– Что?!

– Просто скажите, да или нет?

Размышление заняло пару секунд, а потом взволнованная Одетта воскликнула со всей непосредственностью:

– Да, но поскорее, пена осядет!

Подхватив дорожную сумку, она потянула Бальтазара в квартиру.

Вот так и получилось, что Бальтазар Бальзан обосновался в Шарлеруа, у Одетты Тульмонд, которая днем работала в магазине, а по вечерам делала украшения из перышек, а в Париже никто ничего не заподозрил.

– Что это вы делаете с перьями? – спросил он как-то вечером.

– Я расшиваю перышками танцевальные костюмы. Знаете, для музыкальных ревю, «Фоли-Бержер», «Казино де Пари», все это... ну, прибавка к тому, что я получаю в магазине.

Бальтазар открывал жизнь, совершенно противоположную собственной: ни славы, ни денег, и меж тем это была счастливая жизнь.

Одетта была наделена даром радости. В глубине ее существа, должно быть, играл джаз-банд, непрерывно чередовавший развлекательные песенки и трепетные мелодии. Ни одна житейская сложность не могла выбить ее из колеи. Столкнувшись с проблемой, она искала решение. Поскольку смирение и скромность, составлявшие основу ее характера, ни в коем случае не позволяли ей прийти к заключению, что она достойна лучшего, то Одетта вовсе не ощущала лишений. Так что, подробно описывая Бальтазару кирпичный дом, населенный квартирными соседями, кои находились на попечении социальных служб, она говорила только о лоджиях, расписанных в пастельных тонах, о балконах, обрамленных искусственными цветами в пластиковых поддонах, о коридорах, украшенных макраме и геранями или изображениями моряка, курящего трубку.

– Если уж тебе повезло и ты поселился здесь, то тебе уже никуда не захочется переезжать. Только ногами вперед, в сосновом гробу... Этот дом – настоящий райский уголок.

Благожелательно настроенная по отношению к человечеству в целом, она жила в полном взаимопонимании с существами, трактовавшими себя в совершенно ином ключе, так как не судила их. Так, на своем этаже она сдружилась с четой краснокожих фламандцев, что регулярно приобретали абонементы в солярий, а также посещали клубы, где практиковался обмен партнерами; она по-братски относилась к сухому педанту, служащему мэрии, выдававшему безапелляционные суждения по любому поводу; обменивалась рецептами с юной американкой, матерью пятерых детей, у которой порой случались приступы гнева, когда она царапала стены. Одетта покупала мясо и хлеб у господина Вильпута, пенсионера, импотента и расиста, уверяя, что, хоть он и несет ахинею, все же это человеческое существо.

В семье она проявляла такую же терпимость: открытая гомосексуальность ее сына Руди доставляла ей куда меньше проблем, чем Сью Элен, переживавшая трудный период. Несмотря на то что дочь ее все время отталкивала, она силилась помочь ей улыбнуться, набраться терпения, сохранять доверие, она пыталась дать ей понять, что хорошо бы расстаться с ее другом Поло, тупым паразитом, прожорливым и вонючим, которого Руди называл не иначе как «кистой».

Бальтазар был допущен в этот узкий мирок без единого вопроса, будто он был приезжим родственником, которому необходимо оказать гостеприимство. Он не преминул сравнить этот прием со своей собственной реакцией или реакцией жены в ответ на просьбы друзей приютить их в Париже. «А отели на что?!» – каждый раз восклицала в бешенстве Изабель, перед тем как внушить невежливым гостям, что в квартире настолько тесно, что всем будет неудобно.

Поскольку никто не задавал вопросов Бальтазару, он тоже не спрашивал себя, что тут делает и еще менее – зачем остается. Отказавшись от вопросов, Бальтазар вновь обрел силы, не отдавая себе отчета, до какой степени эта благотворная смена социального и культурного окружения вернула его к собственным истокам. Бальтазар, не знавший отца и брошенный матерью при рождении, рос в разных не слишком богатых приемных семьях – храбрые люди по несколько лет воспитывали сироту вместе с собственными детьми. Совсем юным он рассудил, что нужно пробиваться наверх через учебу: его истинной стихией была интеллектуальная жизнь. За счет различных стипендий и грантов он выучил латынь и греческий, английский, немецкий и испанский, стремясь привить себе культуру, пропадал в публичных библиотеках. Он подготовился и поступил в одну из лучших высших школ Франции – «Эколь нормаль суперьер», присовокупив к ней дипломы разных университетов. Эта академическая доблесть должна была увенчаться должностью преподавателя на факультете или чиновничьим кабинетом в министерстве – конформистской уступкой, если бы по пути он не открыл свой главный талант и не решил посвятить себя писательскому ремеслу. Любопытно, что в своих книгах он затрагивал вовсе не тот круг, куда получил доступ в результате своего социального восхождения, а среду, где провел ранние годы жизни: несомненно, это давало ключ к пониманию гармонии его творчества, его популярности и, разумеется, презрения интеллигенции. Будучи причислен к семейству Тульмонд, он вернулся к простым радостям жизни, к лишенным амбиций наблюдениям, к чистому удовольствию жить среди гостеприимных людей.

Однако, беседуя с соседями, он обнаружил, что все в доме считают его любовником Одетты.

Когда он попытался это опровергнуть в разговоре с Филиппом, соседом, оборудовавшим спортзал в собственном гараже, тот попросил не держать его за идиота.

– Одетта вот уже столько лет не принимала в своем доме ни одного мужчину. И потом я тебя вполне понимаю – неплохо ублажить себя. Одетта – красивая женщина. Если бы она дала мне понять, что не против, я бы не отказался.

Сбитый с толку, чувствуя, что отрицание портит репутацию Одетты, Бальтазар вернулся в ее квартиру с новыми вопросами.

«Может ли статья, что я неосознанно хочу ее? Никогда об этом не задумывался. Это не мой тип женщины... слишком... не знаю... да нет, совсем нет... И потом, она моего возраста... Если бы я мог испытывать желание, то, естественно, к той, что моложе... В то же время здесь все ненормально. Впрочем, что я вообще здесь делаю?»

Вечером, когда дети отправились на концерт поп-музыки, он оказался с Одеттой наедине и взглянул на нее иначе.

В рассеянном свете торшера, в идущем ей пушистом джемпере, поглощенная нашиванием перышек на сетку, украшенную стразами, Одетта выглядела очень хорошенькой. Прежде он этого не замечал.

«Возможно, Филипп прав... отчего я не подумал об этом?»

Почувствовав, что ее рассматривают, Одетта подняла голову и улыбнулась ему. Смущение рассеялось.

Чтобы приблизиться к ней, он отложил книгу и разлил кофе в чашки.

– Одетта, у вас есть мечта?

– Да... поехать на море.

– На Средиземное?

– Почему на Средиземное? Здесь тоже есть море, может, не такое красивое, но более скромное, сдержанное... На Северное море, а?

Подсев поближе, чтобы взять чашку, он склонил голову к ней на плечо. Она дрогнула. Приободренный, он провел пальцами по ее руке, плечу, шее. Она затрепетала. Наконец он приник к ее губам.

– Нет. Прошу вас.

– Я вам не нравлюсь?

– Что за глупости... Конечно нравитесь, но нет.

– Антуан? Воспоминание об Антуане?

Одетта опустила голову, утерла слезу и произнесла с огромной грустью, будто она тем самым предавала покойного мужа:

– Нет, это не из-за Антуана.

Бальтазар вывел из этого, что путь свободен, и вновь приник к губам Одетты.

Щеку обожгла звучная оплеуха. Затем, сменив гнев на милость, пальцы Одетты спустились по его лицу, лаская, стирая след удара.

– О простите, простите. Не понимаю. Вы не хотите...

– Причинить вам боль? О нет, нет!

– Вы не хотите спать со мной?

Ответом была вторая пощечина, потом ошеломленная Одетта вскочила с дивана, покинула гостиную и укрывшись в спальне.

Назавтра, после ночи, проведенной в гараже Филиппа, Бальтазар решил уехать, дабы не усугублять и без того абсурдную ситуацию. В тот момент, когда машина выезжала на дорогу, он все же удосужился завернуть в парикмахерский салон, где работал Руди, чтобы всучить ему пачку банкнот.

– Мне нужно вернуться в Париж. Твоя мать устала, она мечтает поехать на море. Вот деньги, сними там дом, если хочешь. Но только не говори, что это от меня. Представь дело так, будто ты получил премию. Ладно?

Не дожидаясь ответа, Бальтазар вскочил в машину.

В Париже за время его отсутствия ситуация улучшилась, поскольку везде говорили уже о другом. Издатель не сомневался, что со временем Бальтазар вернет симпатии читателей и массмедиа.

Избегая встречи с женой, он ненадолго заскочил к себе – в этот час она находилась на работе, – черкнул ей пару слов, чтобы успокоить относительно своего нынешнего состояния, – впрочем, волновало ли ее это? – уложил чемодан и отправился в Савойю, где его сын вместе с классом катался на лыжах.

«Сниму-ка я комнату поблизости», – решил он.

Но, встретившись с отцом, Франсуа не захотел расставаться с ним. После нескольких совместных лыжных прогулок Бальтазар осознал, что он, вечно отсутствующий родитель, должен восполнить огромный дефицит общения и любви.

Более того, Бальзан не мог не признать, что сыну свойственны ранимость и вечное беспокойство, присущие ему самому. Маленький Франсуа пытался понравиться приятелям, подражая им. А между тем страдал оттого, что изменяет себе.

– Скоро каникулы, что скажешь насчет поездки на море? Со мной и только со мной?

В ответ ему в объятия бросился вопящий от радости мальчишка.

На Пасху Одетта в первый раз оказалась на берегу моря. Оробевшая, она рисовала что-то на песке. Бесконечность вод, неба, пляжа казалась ей невиданной, невозможной роскошью; ей казалось, что на нее снизошла незаслуженная благодать.

Внезапно она ощутила жжение в затылке и вновь вспомнила о Бальтазаре. Когда она обернулась, он стоял тут, на волнорезе, держа за руку сына.

Встреча после разлуки была бурной, но нежной, так как каждый опасался задеть другого.

– Я вернулся к вам, Одетта, потому что моему сыну необходимы уроки. Вы их по-прежнему даете?

– Что?

– Уроки счастья?

Бальзаны обосновались в снятом коттедже, будто так и надо было. И начались каникулы.

Когда жизнь потекла своим чередом, Одетта ощутила, что необходимо объяснить Бальзану те пощечины.

– Я не захотела переспать с вами, так как знала, что мы не будем жить вместе. Вы всего лишь эпизод в моей жизни. Вот вы появились, вот уехали.

– Я вернулся.

– Вы снова уедете... Я ведь не идиотка: у Бальтазара Бальзана, известного парижского писателя, и Одетты Тульмонд, продавщицы из Шарлеруа, нет будущего. Слишком поздно. Если бы мы были моложе лет на двадцать, тогда, быть может...

– Возраст не имеет ничего общего с...

– Имеет. Возраст означает, что наши жизни скорее позади, чем впереди, у вас один образ жизни, у меня другой. Париж – Шарлеруа, деньги – безденежье: ставки сделаны. Можно пересячься, а можно не встретиться больше никогда.

Бальтазар толком не понимал, чего ждет от Одетты; но она была ему необходима, это он знал точно.

В остальном их история решительно ни на что не походила. Быть может, Одетта была права, удерживая его от того, чтобы двинуться к банальности любовной связи? Однако она могла ошибаться... Может, она запретила себе думать о потребностях тела? Навязала нечто вроде нескончаемого вдовства после смерти Антуана?

Он особенно остро ощутил это однажды вечером, во время импровизированных танцев в доме рыбака. Вовлеченная в самбу, раскрепощенная благодаря музыке, Одетта двигалась чувственно, грациозно, кокетливо, обнаруживая необыкновенную женственность и сексуальность, которых он прежде не знал в ней. В эти минуты Бальтазар выписал несколько па вокруг нее и почувствовал между легкими касаниями плеч и нежным трением бедер, что мог бы легко очутиться с ней в постели.

В лунном свете она сделала невинное признание:

– Знаете, Бальтазар, я не влюблена в вас.

– А-а?

– Нет. Я вас люблю.

Он воспринял эту декларацию как самую прекрасную из всех, когда-либо слышанных, – даже более прекрасную, чем те, что он придумывал для своих книг.

Вместо ответа он протянул ей кожаную папку, заключавшую новый роман, который он начал писать после их встречи у моря.

– Это будет называться «Счастье как у других». Я здесь рассказываю о судьбе множества персонажей, которые ищут счастья и не находят его. Они терпят неудачу лишь потому, что унаследовали или усвоили не подходящие для себя концепции счастья: деньги, власть, переоценка брака, длинноногие любовницы, гоночные автомобили, двухуровневые апартаменты в Париже,

шале в Межеве и вилла в Сен-Тропе, – сплошь клише. Несмотря на успех, они несчастливы, так как живут чужим счастьем, счастьем по чужому образцу. Этой книгой я обязан вам. Посмотрите начало.

В луче прожектора она узрела титульную страницу, там было написано: «Для Детт».

Она ощутила такую легкость, ей показалось, будто ее голова сейчас стукнется о луну. Сердце готово было разбиться. Сумев наконец сделать вдох, она прижала руку к груди и прошептала:

– Спокойно, Одетта, спокойно.

Хотя в полночь они обменялись поцелуями в щеку, пожелав друг другу приятных снов, по заключению Бальтазара, в оставшиеся два дня им неизбежно предстояло сделаться любовниками.

Назавтра его подстерегал скверный сюрприз. По возвращении с велосипедной прогулки вместе с Франсуа, Руди и Сью Элен он обнаружил, что в гостиной его поджидают издатель и жена.

Едва завидев Изабель, он почуял недоброе и собирался ополчиться на нее. Одетта удержала его:

– Не бурчите на нее. Это я устроила эту встречу. Садитесь и угощайтесь пирогом. Домашний. Я пойду за напитками.

Последовавшая затем сцена в глазах Бальтазара была сюрреалистической. Ему, вовлеченному в кошмар, показалось, что Одетта выдает себя за мисс Марпл, когда та в конце расследования собирает за столом, где сервирован чай и птифуры, персонажей полицейского романа, чтобы разъяснить им суть дела и сделать выводы.

– Бальтазар Бальзан так помог мне своими книгами, – начала Одетта. – Я никогда не думала, что мне удастся отплатить ему за все, что он мне дал, вплоть до того момента, когда несколько недель назад по стечению обстоятельств он укрылся у меня. Вскоре ему предстоит вернуться в Париж, потому что в его возрасте и при таких заслугах не начинают новую жизнь в Шарлеруа. Однако он не смеет, потому что прежде всего стыдится, но, кроме того, он боится.

Она повернулась к Изабель, которая, казалось, скептически отнеслась к слову «боится».

– Боится вас, мадам! Почему? Потому что вы нынче не восхищаетесь им, как прежде. Вы должны гордиться вашим мужем: он сделал счастливыми тысячи людей. Быть может, среди них есть скромные секретарши и ничтожные служащие, вроде меня, но ведь в том-то все и дело! Ему удалось взволновать нас, перевернуть наше существование, нас, не слишком охочих до чтения, тех, кто – в отличие от вас – не столь высокообразован, и это доказывает, что Бальтазар Бальзан более талантлив, чем другие! Гораздо более! Знаете, мадам, Олаф Пимс, быть может, тоже пишет великолепные книги, но, чтобы их прочесть, мне потребуется словарь и несколько упаковок аспирина, и все затем, чтобы уразуметь, о чем он говорит. Это сноб, который обращается лишь к тем, кто прочел не меньше книг, чем он сам.

Она протянула издателю чашку чаю, метнув в него укоризненный взгляд.

– Теперь о вас, месье. Вы должны, прежде всего, защищать автора от тех людей из Парижа, которые оскорбляют его, портят ему настроение. Если вам повезло заполучить подобное сокровище, нужно оберегать его. Иначе стоит сменить профессию! Попробуйте лимонный кекс, я его специально испекла!

Затерроризированный издатель повиновался. Одетта вновь повернулась к Изабель Бальзан.

– Вы думаете, что он вас не любит? Что он вас больше не любит? Быть может, и он так думает... между тем я заметила одну вещь: вашу фотографию он постоянно носит с собой.

Изабель, тронутая простотой Одетты, опутив голову, искренне сказала:

– Он столько раз обманывал меня...

– Ах, мадам, если вы полагаете, что мужчина не должен допускать ни флирта, ни вздоха, не стоит выходить замуж, возьмите лучше собаку! И уж тогда нужно посадить ее на цепь. Подозреваю, что даже мой Антуан, которого я так любила и люблю двадцать лет спустя, лапал других женщин. Других, быть может более смазливых или просто пахнущих иначе. Не важно, ведь умер он в моих объятиях. В моих. Глядя на меня. И это мое утешение навеки...

Какое-то мгновение она боролась с внезапно нахлынувшим чувством, потом заставила себя продолжить:

– Бальтазар Бальзан вернется к вам. Я делаю все, чтобы вернуть его вам, чтобы он вновь обрел форму, улыбался, смеялся, потому что, по правде сказать, нельзя позволить утонуть такому человеку – доброму, одаренному, неловкому, щедрому. Я через два дня возвращаюсь в Шарлеруа, в свой магазин. Так вот, мне бы не хотелось, чтобы мой труд оказался напрасным...

Бальтазару было больно смотреть на Одетту, которая публично разрывала на клочки историю их любви... Ему так хотелось, чтобы она продолжалась, он ненавидел Одетту за это мучение. В ее лице, казалось, сквозили затаенная боль, растерянность, какое-то сумасшедшее смятение, но он чувствовал, что возражать ей бесполезно. Если уж она решила, что будет так, она от этого не отступится.

Перед отъездом в Париж он совершил прогулку среди дюн вместе с Изабель. Оба они вовсе не были уверены, что им удастся возобновить семейную жизнь, но ради Франсуа решили сделать попытку.

Когда они подошли к дому, оттуда отъехала машина «скорой помощи», разрезавшая воздух завыванием сирены: у Одетты случился сердечный приступ.

Так как жизнь ее висела на волоске, все остались в Бланкенберге. И лишь после того, как в реанимации заверили, что состояние Одетты больше не внушает опасений, издатель, Изабель и Франсуа отправились в Париж.

Бальтазару удалось продлить аренду коттеджа; он присматривал за Руди и Сью Элен, специально оговорив, что те должны скрывать от матери, что он по-прежнему здесь.

– Позже... Когда она пойдет на поправку...

Каждый день он отвозил детей в клинику и дожидался их в приемном покое среди зеленых растений в кадках, бабук в халатах и пациентов, приклеенных к капельницам на стойках.

Наконец к Одетте вернулись силы, краски, эмоции, она удивилась, заметив, что на тумбочку возле кровати кто-то поставил фотографию Антуана.

– Кто это сделал?

Дети признались, что инициатива исходила от Бальтазара и что последний остался в Бланкенберге и по-отечески заботился о них.

По волнению матери, по всплескам на кардиомониторах, по танцу зеленых диаграмм, показывавших биение пульса, дети поняли, что Бальтазар был прав, оставшись до выздоровления Одетты, они не сомневались, что ее болезнь была связана с тем, что она оттолкнула Бальтазара, – этого ее сердце не могло вынести.

Назавтра Бальтазар, взволнованный, как пятнадцатилетний подросток, проник в палату Одетты. Он преподнес ей два букета.

– Но почему два?

– Один от меня. Другой от Антуана.

– Антуана?

Усевшись возле ее кровати, Бальтазар с нежностью указал ей на фотографию мужа:

– Мы с Антуаном подружился. Он принял меня. Он считает, что мое чувство к вам дает мне достаточное право на его уважение. Во время вашей болезни он признался мне, что несколько поторопился, возрадовавшись; он решил, что вы присоединитесь к нему. Потом он рассердился на себя за столь эгоистичную мысль. Ныне – ради детей и вас – он радуется, что вам лучше.

– Что он еще вам сказал?

– Это вам не понравится...

Бальтазар почтительно склонился к Одетте и прошептал:

– Он поручил вас мне...

Пораженная Одетта зашлась в безмолвных рыданиях, растроганная до глубины души. Все же она попыталась пошутить:

– А моего мнения он не спросил?

– Антуан? Нет. Он полагает, что вы малость туповаты.

Он наклонился ниже и добавил с невыразимой нежностью:

– Я сказал ему, что согласен с ним.

Они наконец поцеловались. Тотчас кардиографы затрепетали, поднялась тревога, примчались врачи, потому что сердце Одетты захлебывалось от радости. Бальтазар, прервав поцелуй, прошептал, глядя на Одетту:

– Спокойно, Одетта, спокойно.

Ванда Виннипег

Кожа внутри «роллс-ройса». Кожа – шофер и его перчатки. Кожаные чемоданы и сумки, распирающие багажник. Кожаная высунувшаяся из-за портьеры плетеная сандалия, возвещающая видение стройной ноги. Из кожи – ярко-красный костюм Ванды Виннипег.

Персонал почтительно склонил головы.

Ванда Виннипег пересекла порог, не бросив ни единого взгляда по сторонам, не удостоверившись, несут ли следом багаж. Могло ли быть иначе?

Служащие трепетали за стойкой отеля. Не в силах пронизать благоговением задымленные стекла очков Ванды, они принялись расточать формулы гостеприимства:

– Добро пожаловать, мадам Виннипег. Для нас большая честь приветствовать вас в отеле «Ройяль Эмерод». Мы сделаем все, чтобы ваше пребывание здесь было как можно более приятным.

Она приняла эти знаки высокого почтения как неизбежную мелочь положенной сдачи, не удостоив ответом. Служащие продолжили беседу, будто она принимала в ней участие:

– Салон красоты открыт с семи утра до двадцати одного часа, так же как зоны фитнеса и бассейна.

Она поморщилась. В панике менеджер поспешил предупредить могущую возникнуть проблему:

– Если вы настаиваете, мы, естественно, можем изменить расписание, подстроив его под ваши требования.

Прибывший в спешке директор, не отдышавшись, скользнул из-за ее спины и провизжал:

– Мадам Виннипег, какая огромная честь для нас, что вы остановились в отеле «Ройяль Эмерод»! Мы сделаем все, чтобы ваше пребывание здесь было как можно более приятным.

Поскольку он использовал то же клише, что и его подчиненные, у Ванды Виннипег появилась насмешливая улыбка, говорившая служащим: «А ваш патрон не слишком искусен, разве так мудро было выразиться изящнее, чем вы?» – затем она снизошла до того, что протянула руку для поцелуя. Директор, не уловивший ее иронии, ничего не заподозрил, когда она благоволила ответить ему:

– Я в самом деле надеюсь, что не буду разочарована: принцесса Матильда так нахваливала мне ваше заведение.

Рефлекторно щелкнув каблуками – промежуточное движение между военным приветствием и движением танцора танго, благодарящего партнершу, директор парировал удар: он вдруг осознал, что в лице Ванды Виннипег он не только принимает одно из крупнейших в мире состояний, но и женщину, чье имя включено в Готский альманах³.

– Вы, естественно, знаете Лоренцо Канали?

Представляя своего любовника, она сделала жест в его сторону: красивый мужчина с длинными, будто навощенными темными волосами наклонил голову, даря полуулыбку, он в совершенстве играл роль принца-консорта, который вместе с осознанием своего высокого ранга впитал необходимость проявлять большую любезность, чем королева.

Затем Ванда удалилась в свои апартаменты, прекрасно зная, что ей вслед несется шепоток:

– Мне казалось, что она выше... Какая прелестная женщина! Правда ведь, она выглядит еще моложе, чем на снимках?

³ Готский альманах (*Almanach de Gotha, Gothaischer Hofkalender*) – дипломатический и статистический ежегодник, издаваемый в Готе с 1763 г., где приводится генеалогия дворянских родов Европы и семей, находящихся в сфере внимания масс-медиа.

Едва войдя в апартаменты, она тут же ощутила, что здесь ей будет хорошо; между тем она со скептической гримасой выслушала директора, нахваливавшего достоинства номера. Несмотря на простор, на две отделанные мрамором ванные комнаты, изобилие расставленных повсюду букетов, качественные телевизоры, ценную мебель, отделанную маркетри, Ванда осталась верна избранной линии, ограничившись замечанием, что неплохо бы иметь на террасе столик с телефоном, на случай, если она оттуда вдруг захочет связаться с одним из своих агентов.

– Разумеется, мадам, вы правы, мадам, сию же минуту мы вам его установим.

Она не стала уточнять, что никогда им не воспользуется, ей достаточно и мобильного, так как намеревалась упорно изводить персонал, чтобы служили как следует. Директор «Ройаль Эмерод», посулив знатной постоялице золотые горы, закрыл дверь с почтительным поклоном.

Оставшись наконец одна, Ванда Виннипег вытянулась на диване, предоставив Лоренцо и горничной развешивать одежду по шкафам. Ей было известно, какое впечатление она производит, и она неизменно наслаждалась этим.

Ее уважали, поскольку она умела настоять на своем; поскольку она открывала рот лишь затем, чтобы высказать какое-либо неприятное замечание, ее боялись. Переполох, сопровождавший любое ее появление, был связан не только с ее богатством, или известностью, или безупречной внешностью, но и с некой витавшей вокруг нее легендой.

Как же ей удалось достичь всего этого? По ее собственным словам, все сводилось к двум принципам: нужно уметь выйти замуж и уметь развестись.

С каждым новым замужеством Ванда все выше поднималась по общественной лестнице. Последний брак – пятнадцать лет назад – сделал ее нынешней Вандой Виннипег. Связавшись с миллиардером Дональдом Виннипегом, она сделалась знаменитой, снимки их свадьбы опубликовали газеты всего мира. Впоследствии фотографиями Ванды заполнились обложки глянцевого журналов, это произошло после развода, одного из наиболее скандальных и медиатизированных, развода, превратившего ее в одну из самых золотых женщин планеты.

С тех пор как жизнь рантье дала ей средства для осуществления любых желаний, Ванда Виннипег довольствовалась тем, что нанимала весьма квалифицированных людей для ведения всех дел; если те не справлялись, она избавлялась от них без сожаления.

Вошедший Лоренцо любовно проворковал теплым голосом:

– Ванда, какова наша послеобеденная программа?

– Сначала можно окунуться в бассейн, потом отдохнуть в спальне. Что скажешь?

Лоренцо немедленно перевел на свой язык оба приказания Ванды: вначале он любит тему, как она проплывает свои два километра, а затем занимается с ней любовью.

– Отлично, Ванда, мне очень нравится эта перспектива.

Ванда Виннипег адресовала ему благожелательную улыбку: разумеется, у Лоренцо не было иного выбора, кроме как согласиться, но было весьма галантно с его стороны с удовольствием разыграть покорность.

На пороге ванной неуловимое движение Лоренцо заставило ее восхититься его великолепным ростом, изгибом спины. Она с наслаждением представила себе, как вскоре стиснет ягодицы этого самца.

Вот от чего я млею, поди знай почему!

Во внутренних монологах Ванда предпочитала изъясняться простыми фразами с вкраплениями простонародных оборотов, выдававших ее происхождение. К счастью для Ванды, кроме нее, их никто не мог слышать.

Лоренцо вернулся в льняной рубашке и облегающих плавках, готовый сопровождать ее в бассейн. Никогда еще у Ванды не было подобного спутника: он сосредоточивал свое внимание исключительно на ней, не заигрывал с ее подругами, ел то же, что она, вставал в те же часы,

причем сохранял при этом прекрасное расположение духа. Не важно, нравилось ему все это или нет, он исполнял свою роль.

Если подвести итог: он был безупречен. Что означало, что и Ванда ничуть не хуже.

Так что она думала не о его внешности, а о его поведении: Лоренцо вел себя как профессиональный жиголо, а уж с жиголо Ванда умела обращаться. Еще несколько лет назад, столкнувшись с безупречной галантностью и вниманием Лоренцо, она заподозрила, что здесь отсвечивает голубизной. Однако сегодня почти не придавала значения тому, интересуют ли Лоренцо мужчины; если он отлично трахается, причем именно тогда, когда у нее возникает желание заняться любовью, то этого вполне достаточно. Чего же еще желать! И если он, как многие другие, скрывается в туалете, чтобы вкатить себе дозу препарата, позволяющего ему всегда быть к ее услугам, то что ей за дело до этого?..

Мы, женщины, умеем недурно притворяться... Так отчего бы нам не позволить им, в свою очередь, прибегать к мелким ухищрениям?

Ванда Виннипег достигла того счастливого момента своих жизненных упований, когда наконец ее цинизм превратился в своеобразную мудрость: освободившись от сковывающих ее моральных ограничений, она наслаждалась жизнью, воспринимая ее такой, какова она есть, и мужчин такими, как есть, без раздражения.

Взглянув в ежедневник, она проверила безупречно организованный ход своих каникул. Поскольку Ванда ненавидела скуку, она стремилась предусмотреть все: благотворительные вечера, посещение роскошных вилл, где отдыхали друзья из *jet set*⁴, массаж, открытие модных ресторанов, бутиков, костюмированные балы; здесь не было места импровизации; часы, отведенные шопингу или сиесте, были строго размечены. Весь ее персонал, включая Лоренцо, имел копию ее расписания и должен был оказывать сопротивление светским прожигателям жизни, пытавшимся с их помощью заручиться присутствием мадам Виннипег на каком-либо обеде или вечеринке.

Успокоенная, она закрыла глаза. Однако в этот момент ее настиг запах мимозы. Она встревожилась, выпрямилась и беспокойно огляделась. Ложная тревога. Она стала жертвой собственного парфюма. Этот аромат напомнил ей, что часть детства она провела в этих местах, в то время она прозябала в бедности и звали ее отнюдь не Ванда. Никто не знал об этом и не узнает. Она совершенно преобразила собственную биографию, заставив всех поверить, что она родилась в России, где-то под Одессой. Акцент, расцветивавший ее речь на пяти языках – так явственно подчеркивавший роковой тембр ее голоса, – способствовал упрочению этого мифа.

Вставая, она тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Прощайте, всплывающие островки прошлого! Ванда контролировала все: свое тело, окружение, деловую и сексуальную жизнь, свое прошлое. Здесь ей предстоит провести восхитительные каникулы. К тому же она заплатила за это.

Неделя протекала просто волшебю.

Они порхали с «изысканных обедов» на «восхитительные ужины», не пренебрегая «божественными вечерами». Течение бесед в этой череде дней не предвещало ничего непредвиденного, поэтому Ванда с Лоренцо довольно быстро включились в обсуждение, как если бы проводили лето на Лазурном берегу: преимущества привилегированного диско-клуба, возвращение трусиков-стрингов («Забавная идея, но не правда ли, когда можешь себе это позволить...»), «удивительная игра», когда нужно с помощью мимики изобразить название фильма («Если бы вы видели, как Ник старался, чтобы мы угадали „Унесенных ветром“!»), автомо-

⁴ *Jet set* (англ.) – термин, зародившийся в 1950-е гг., обозначал социальную элиту (миллионеры, знаменитости, которые встречались в модных ресторанах, закрытых клубах, на термальных курортах). В 1980-е гг. стал восприниматься как синоним VIP.

били, работающие на электричестве («Дорогая, для прогулок на пляж это просто идеально»), разорение Аристотеля Паропулоса и, прежде всего, катастрофа, случившаяся с личным самолетом «этих бедных Свитенсонов» («Самолет с одним мотором, нет, дорогая, как можно брать такой самолет, когда есть средства, чтобы заказать специальный рейс?!»).

В последний день прогулка на яхте Фаринелли («Ну да, он король итальянского сандала, хитрец с двойной моралью, он ни с кем не считается, кроме себя») увлекла Ванду и Лоренцо в мирные воды Средиземного моря.

Женщины быстро сообразили, в чем основное преимущество такой вылазки: забраться на капитанский мостик, чтобы затем продемонстрировать – каков бы ни был их возраст – совершенную пластику тела, твердую грудь, тонкую талию и ноги без малейших признаков целлюлита. Ванда проделала это упражнение с той отлично отработанной естественностью, которую мастерски умела подавать. Лоренцо – решительно, образцовый любовник! – окинул ее теплым влюбленным взглядом. Разве не забавно? Ванда стяжала несколько комплиментов, что привело ее в доброе расположение духа, и в этом состоянии, подкрепленном розовым провансальским вином, она вместе с развеселой компанией миллиардеров высадилась на пляже Сален, где располагался ресторан «Зодиак».

Столик для них был накрыт в тени под соломенным тентом.

– Мадам и месье, не желаете ли взглянуть на мои картины? Моя мастерская находится в конце пляжа, если хотите, я готов сопроводить вас туда.

Естественно, никто и ухом не повел при звуках этого униженно молящего голоса. Просьба исходила от старика, державшегося на почтительном расстоянии. Все продолжали смеяться, громко болтать, будто его вообще не существовало. Ему самому показалось, что фразы его унеслись в пустоту, но он все же вновь завел шарманку:

– Мадам и месье, не желаете ли взглянуть на мои картины? Моя мастерская находится в конце пляжа, если хотите, я готов сопроводить вас туда.

На сей раз воцарилось недовольное молчание, означавшее, что занудливый пристава замечен. Гвидо Фаринелли бросил недовольный взгляд на хозяина ресторана, который, быстро вняв беззвучному внушению, приблизился к старику, ухватил его за руку и, ворча на него, выпроводил из заведения.

Беседа потекла своим чередом. Никто не заметил внезапной бледности Ванды.

Она узнала его.

Несмотря на прошедшие годы, на физическое одряхление – сколько ему теперь, должно быть, лет восемьдесят? – она вздрогнула, услышав знакомые интонации.

Она с ходу хладнокровно отбросила это воспоминание. Она ненавидела прошлое. Особенно ту его часть, что была связана с этими местами, – ее нищенское прошлое. Ни на миг, с тех пор как она ступила на этот пляж, с его песком, изобиловавшим колкой черной каменной крошкой, – сколько раз она здесь проходила! – она не вспомнила о забытой всеми поре, поре, когда она не была еще Вандой Виннипег. Потом, несмотря на ее усилия, воспоминание вновь возникло, к немалому удивлению Ванды, обдав ее жарким ощущением счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.